

**"Исторические записки" участника Отечественной
войны 1812 года и традиции древнерусской литературы**

В 1991 г. впервые опубликован ряд воспоминаний участников Отечественной войны 1812 г. из собрания письменных источников Государственного исторического музеяⁱ. Среди введенных в научный оборот мемуаров особое внимание привлекают "Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов" капитана-артиллериста Гавриила Петровича Мешетича. Записки, датированные 1818 г., интересны не только в военно-историческом плане. Сочинение Мешетича обладает рядом литературных достоинств, содержит материал, позволяющий судить о литературных вкусах эпохи, об особенностях восприятия древнерусской литературы в 10-е годы XIX в. И наконец, "Исторические записки" еще раз свидетельствуют о своеобразной преемственной связи мемуарных сочинений нового времени с рукописной книжностью русского средневековья.

Публикаторы "Исторических записок" отмечают, что это "сложный по составу и жанровой принадлежности памятник"ⁱⁱⁱ. Действительно, их автор подобно средневековому книжнику помимо богатых собственных впечатлений использовал в работе различные источники. В итоге возникла рукопись, отчасти напоминающая по жанру летописный свод. В предисловии к изданию справедливо замечено, что подчас строки сочинения Г.П. Мешетича "достигают уровня героической эпопеи"ⁱⁱⁱⁱ. Что же придает рассказу столь возвышенный характер? Во многом это связано с ориентацией автора на литературные традиции средневековья и, прежде всего, на воинские повести Древней Руси.

Как известно, древнерусским воинским повестям свойственны устойчивые поэтические обороты, традиционные формулы - "loci communes", кочующие из века в век по многим произведениям героического содержания. Особый вклад в изучение воинских формул внес А.С. Орлов^{iv}. Использование именно этих устойчивых оборотов очевидно, несмотря на то что мемуарист начала XIX в. переводит их с древнерусского языка на современный русский. Приведем некоторые примеры в сопоставлении с древнерусскими текстами. В "Исторических записках" Г.П. Мешетича колонны неприятеля « чернеют, подобно тучам, и из оных вдруг близ, как молния за молниею, одна за другой и с громом посыпались ядра градом на стан русский»^v. Можно сопоставить это место с пассажем из "Сказания о Мамаевом побоище": «На том поле силнии полци съступишася, из них выступиша кровавыя зари, а в них трепеталися силнии мльнии ото блистания мечного»^{vi}. Нетрудно заметить стилистическое и образное сходство этих отрывков. Эти сравнения можно продолжить. Враг выступает «подобно дремучему лесу» (ср.: «выступиша полци аки борове, велици»). Или еще: «лес конных копий»; «вдали чернеют тучи копий»; «летят тучи пуль»; «тучи облаков, густого порохового дыму возносятся в воздух» и солнце «кажется в сумраке»; «быстрее молнии» летят гонцы и т.д. Всевозможные сравнения битвы с грозой («яко громъ», «яко молния»), застилаемое пылью и дымом солнце - излюбленные образы древних батальных описаний. В ходе Бородинского сражения «поле брани покрылось множеством бездыханных трупов», «по рытвинам текла ручейками кровь человеческая»^{vii} (ср. «кровь течаше по удолиям яко река» или «лиющимся кровемъ аки речным быстринам на все страны»^{viii}); «с обеих сторон еще падали мертвые герои» (ср.: «падаху семо и овамо яко снопове»). Здесь же мы видим своеобразное развитие образа, заимствованного из высказывания великого князя Дмитрия: «Враги отведали их нежного хлебосольства и легли для отдыха костями на снежных постелях»^{ix} (ср. «се уже гости наши приблизилися и ведутъ промеж собою поведеную (т.е. круговую - А.П.) чашу... Передний уже испиша и весели быша уснуша»^x). Здесь можно вспомнить и образы, использованные в другом памятнике древнерусской литературы "Слово о полку Игореве": битва - свадебный пир, В записках Мешетича можно найти и обращения к символическим образам птиц.

Наряду с завуалированными обращениями автора записок к древним образцам и, как мы заметили, прежде всего, к "Сказанию о Мамаевом побоище", в сочинении можно встретить и прямое указание на этот памятник. В записках автор прямо сопоставляет две битвы - Бородинскую и Куликовскую: "Но еже ли бы она (земля) отозвалась стоном, как на Непрядве, во- время Мамаева побоища, бывшему с князем Димитрием Монаху, то на русской стороне плач ее был смешанный с неутешною горестью вдовицы и рыданием девицы; на неприятельской стороне - отчаяние и без надежды вопль и рыдание"^{xi}. Здесь использован почти дословно эпизод с испытанием примет в ночь перед сражением Дмитрием Волынцем.

Непонятно лишь, какого Монаха (с прописной буквы) имеет в виду Г.П. Мешетич.

Таким образом, очевидно особое тяготение автора к "Сказанию". Попробуем объяснить это, рассмотрев сочинение Г.П. Мешетича на фоне литературной жизни того времени, что позволит нам хотя бы гипотетически представить себе пристрастия и интересы этого человека, круг его чтения, уровень культуры, ибо, по признанию публикаторов, сведения о самом авторе записок ничтожны.

Среди современников автора записок обращение к победе на Куликовом поле в связи с событиями 1812 г. встречается достаточно часто. Эту аналогию можно найти и в высказываниях участников Отечественной войны, и в литературных произведениях тех лет, писавшихся по горячим следам событий. Достаточно вспомнить, например, известное письмо М.И. Кутузова помещице села Тарутина А.Н.Нарышкиной, или напечатанную в "Русском вестнике" С.Н.Глинки "Речь Дмитрия Донского к войску перед сражением на Куликовом поле". Вообще в поэзии первой трети XIX в., как известно, заметно активное использование образов и мотивов древнерусской литературы. Осваивались, прежде всего, героика, воинское начало в памятниках прошлого, однако обработка эта даже в высокой поэзии была не столь глубокой с точки зрения освоения художественных средств древней книжности. Это убедительно доказал Ю.М. Лотман^{xii}. Однако у Г.П. Мешетича мы видим использование именно устойчивых формул воинских повестей. Русский офицер не просто почувствовал эпическую связь событий, но, подобно автору Задонщины, он через века создает своеобразное "нестилизованное подражание" (термин Д.С. Лихачева). Отметим, что многие участники Отечественной войны избегали в своих воспоминаниях архаики, а если и прибегали к ретроспективным аналогиям, то предпочитали античных поэтов и героев (например, А.П. Ермолов).

Как уже отмечалось, записки Г.-Т.Т. Мешетича создавались в 1818 г., вскоре по завершении европейских походов. Это - начальный период освоения эпохи наполеоновских войн в мемуаристике. Время написания записок весьма примечательно. В 1818 г. выходят из печати первые восемь томов "Истории" Н.М.Карамзина, появляется отдельное издание "Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина" Евгения Болховитинова. Все это могло повлиять на стилистический облик "Исторических записок". Однако нельзя пройти мимо популярнейших в то время сочинений Ф.Н.Глинки, с именем которого связана особая страница в истории жанра "военных записок". Думается, труды редактора "Военного журнала" были для офицера 2-й батареинной роты, 11-й арт.бригады, 4-го пех. корпуса, награжденного, как и Ф.Н.Глинка, Золотым оружием, чтением особым, вызывавшим пристальное внимание,

В 1816 г. в журнале "Сын отечества" была напечатана статья Ф.Глинки "О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 г.", включенная в состав "Писем к другу". Там-то мы и находим идеи, которые, скорее всего, повлияли на замыслы Г.П. Мешетича: «Слог в описании событий 1812 г. должен быть исполнен важности, силы и ясности... Не должно упускать из вида и древнего славянина Нестора, которого рукою водила сама истина: должно напоить перо и сердце свое умом и духом драгоценных остатков древних рукописей наших»^{xiii}. Далее Ф.Глинка в рассуждениях о русском Военном словаре упоминает «степенные книги, синопсисы, некоторые книги славянские, разные предания и летописи»^{xiv}. Особо следует упомянуть также вошедшее в состав писем к другу "Письмо генералу NN о переводе воинских выражений на русский язык", где в полемических целях предложены два варианта реляций - "полурусская" и "настоящая русская", как пишет автор, на примере именно Куликовской битвы и деяний Дмитрия Донского.

Таким образом, можно с большой долей вероятности предположить что стилистическая палитра Г.П. Мешетича была предопределена в первую очередь публикациями Ф.Глинки. Указать однозначно древнерусские источники тем не менее сложно. Какое издание или список "Сказания" (ближайшее по времени издание 1810 г.), летописи или "Синописис", упоминавшийся Ф.Глинкой, или какое-либо лубочное издание "Сказания" было в руках Г.П. Мешетича? Ответа на этот вопрос пока нет. Тем более что при чтении обнаруживаются и иные стилистические и образные сходства.

Попытка соединить описание социальных и природных явлений, показать воздействие стихии на обе противоборствующие стороны отчасти напоминает подобные фрагменты из Летописной книги Катырева-Ростовского, где впервые пейзаж занимает самостоятельное место в историческом повествовании. Рассказ о заграничном походе подчас сближается еще с одним жанром древней литературы - хождениями. Перед нами своеобразное "военное хождение" по Европе, "дорожник", написанный человеком, идущим с армией по просторам многих

государств. У этого странника, как и у многих тысяч его спутников, имеется своя цель - Париж. Только отдельные остановки в пути - это места кровопролитных сражений. Сходство с литературой хождений заметно, прежде всего, в рассказах о мирной жизни Европы: города, ландшафты, архитектурные памятники... Бесхитростная форма повествования об увиденном в Европе как будто бы взята у древних странников. Г.П. Мешетича, как и средневековых путешественников, *интересуют* редкости, размеры, материал, форма и устройство различных предметов.

А.М.Панченко, говоря о топике культуры, "ее художественных и нравственных аксиомах"^{xv}, указывает на "поразительно похожие сцены" в произведениях разных эпох. В качестве примера приводится, в частности, описание ночи *перец* битвой (тишина в русском стане - шум и веселье во вражеском) в "Сказании о Мамаевом побоище" и лермонтовском "Бородине" ("Но тих был наш бивак открытый"). Не будем полемизировать с исследователем по вопросу: могла ли быть тишина в ночь перед битвой в гигантском русском лагере 1380 и 1812 гг. или нет? Об этом применительно к 1812 г. пишут разные участники Бородинского сражения. Заметим лишь, что капитан-артиллерист задолго до великого поэта сознательно сблизил описание двух битв в своем скромном сочинении. Г.П. Мешетич увидел эту великую культурно-историческую преемственность, задумался над тем, что иные назвали бы топосами или "loci communes", и построил свое описание на прямом использовании текста "Сказания": «шумное веселие и клики» неприятеля, «увеличившего огни » и, напротив, «русский стан ночь покрыла мертвой тишиною»^{xvi} ». 1812 г. оказался одновременно и роковым для сокровищницы древнерусской книжности, и вместе с тем оживил интерес к этой литературе, национальному прошлому. Записки рядового, до недавнего времени безвестного участника Отечественной войны, относящиеся к своеобразной низовой литературе для домашнего пользования (сочинение не предназначалось для печати), неожиданно дают пример более глубокого и пристального прочтения древних памятников, нежели это было у профессиональных литераторов. Автор записок творчески воспринимает древние тексты, их поэтическую форму. Он убежден, что "письмена, изображающие характеры народов и последствия их доброй нравственности, всегда должны быть в уважении и остаются памятниками полезными"^{xvii}.

Примечания

ⁱ 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Гос. Исторического музея. М.,1991

ⁱⁱ Там же, с. 26

ⁱⁱⁱ Там же, с. 8.

^{iv} Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.,1902.

^v Воспоминания воинов..., с. 46

^{vi} Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982,с.43.

^{vii} Воспоминания воинов..., с. 49.

^{viii} Оказания и повести..., с. 121.

^{ix} Воспоминания воинов..., с.54.

^x Сказания и повести..., с.4 .

^{xi} Воспоминания воинов..., с.56.

^{xii} Лотман Ю.М. "Слово о полку Игореве" и литературная традиция XVII- начала XIX в. //"Слово о полку Игореве" - памятник XII века. М.-Л.,1962.

^{xiii} Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М.,1985,с.209.

^{xiv} Там же, с.211.

^{xv} Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформЛ.,1984,с.202.

^{xvi} Воспоминания воинов..., с. 46.

^{xvii} Там же, с. 78.